

Владимир Никитин
Петер Цанев

ОБРАЗ И СОЗНАНИЕ В АРТ-ТЕРАПИИ

Владимир Никитин

Образ и сознание в арт-терапии

«Когито-Центр»

2018

УДК 159.9
ББК 88

Никитин В. Н.

Образ и сознание в арт-терапии / В. Н. Никитин — «Когито-Центр», 2018

ISBN 978-5-89353-538-9

Монография посвящена исследованию генезиса арт-терапии. В первой части книги в рамках структурно-антропологического подхода, разработанного Владимиром Никитиным, рассматриваются онтологические, психологические и нейропсихологические вопросы формирования художественного образа и его воздействия на сознание. Во второй части книги представлена эктопластическая арт-терапия Петера Цанева и его идея о том, что арт-терапия является странным и неожиданным наследником и продолжателем искусства психологического модернизма во второй половине XX в. и начале XXI в. Издание 2-е, исправленное и дополненное. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 159.9

ББК 88

ISBN 978-5-89353-538-9

© Никитин В. Н., 2018

© Когито-Центр, 2018

Содержание

Предисловие ко второму изданию	6
Благодарности. «Посвящение и посвященные»[1]	7
Введение	8
Часть I	12
Глава 1	12
Нейрофизиологические механизмы памяти и их значение для арт-терапии	14
Стратегии арт-терапии с точки зрения теории синергетики	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Владимир Никитин, Петер Цанев

Образ и сознание в арт-терапии

Рецензенты:

профессор, доктор искусствоведения *Свилен Стефанов*

профессор, доктор искусствоведения *Румен Райчев*

© В. Н. Никитин, П. Цанев, 2018

© Когито-Центр, 2018

Первое издание книги (2017) подготовлено в Софии Болгарской национальной художественной академией

Предисловие ко второму изданию

В поисках знания о природе человека мы сталкиваемся с парадоксальными феноменами, которые могут быть воплощены в художественных образах, но не имеют научного обоснования своего происхождения. Как зарождается образ, какое значение имеет его содержание для самого созидającego субъекта – вопросы, остающиеся вне поля рационального объяснения.

Исследованию феноменального мира образа и отражения его в сознании человека посвящена представляемая коллективная монография. Настоящая книга включает в себя две части:

1. Структурно-антропологическая арт-терапия (Владимир Никитин);
2. Эктопластическая арт-терапия (Петер Цанев).

Объектом нашего исследования выступает арт-терапия как пространство трансформации образа и сознания. Арт-терапия рассматривается как феноменальное явление, не сводящееся только к терапии психического состояния человека, но обладающее универсальной способностью гармонизации и развития всех сфер физического, психического и эстетического.

Опираясь на многолетний опыт исследования, авторы рассматривают художественный образ как средство самопознания и саморегуляции, как феномен, определяющий развитие основных форм сознания, качественный переход от конвергентного к дивергентному типу мышления. При таком подходе арт-терапия представляет собой не столько метод регуляции психического состояния, сколько методологический принцип гармонизации и развития познающей себя личности.

Представляемая коллективная монография является второй дополненной публикацией на основе первого издания, осуществленного Болгарской национальной академией художеств в Софии в 2017 г. В данном издании в большей степени представлены результаты исследования феноменологической связи художественного образа и сознания созидającego субъекта.

Благодарности. «Посвящение и посвященные»¹

Задумав написать книгу как откровение своих мыслей, мы отправились в путь, который, по мере продвижения к цели, обрастал, казалось бы, неожиданными событиями и непредсказуемыми встречами. Но по сути своей они вели нас к ответам на наши вопросы о сущности искусства и арт-терапии.

Задавшись написать *одну* книгу вместе, мы должны были вначале, согласно дзэн легенде, «оставить свои чаши пустыми», чтобы создать иной мир, в котором мы будем услышаны и поняты друг другом. Мы искренне надеемся, что многочисленные часы, проведенные вместе, «уплотнились» и создали поток научной мысли, дерзновенность и нестереотипность которой поддержали Николай Драчев, Дмитрий Мельников, Татьяна Кочемасова и Бойчо Автов.

Поразительно наблюдать, как невероятно быстро развиваются благоприятные условия для распространения арт-терапии в современном обществе, где структурно-антропологическая школа нашла свое плодотворное проявление. Нельзя не сказать о людях, которые могут служить для многих примером и которые занимают активную позицию в этом отношении: Галина Калачева, Наталья Матвеева, Эдит Балог, Румяна Панкова

Книга была и отправной точкой для наших друзей в понимании природы художественного образа, незаурядных художников-мыслителей, чьи работы представлены в монографии. Это Георгий Гигинейшвили, Миклош Шимон, Габор Рошко, Артем Лобанов, Алексей Аникин, Наталья Никитина, Алина Иноземцева.

Наша искренняя благодарность коллегам-единомышленникам:

Н. Драчеву, ректору, профессору Национальной академии художеств (София);

Д. А. Мельникову, ректору, академику Московского социально-педагогического института;

Т. А. Кочемасовой, академику Российской академии художеств (Москва);

Б. Автову, директору Восточно-европейской ассоциации арт-терапии (София);

Г. А. Калачевой, профессору Московского социально-педагогического института;

Н. Э. Матвеевой, профессору Московского социально-педагогического института;

Э. Балог, доценту Сегедского университета (Венгрия);

Р. Панковой, доценту Национальной академии художеств (София);

Г. Р. Гигинейшвили, профессору Российского научного центра медицинской реабилитации и курортологии Минздрава Российской Федерации (Москва);

С. Миклошу, венгерскому художнику-живописцу (Сегед, Венгрия);

Г. Рошко, заслуженному художнику Венгрии, доценту Сегедского университета (Венгрия);

А. И. Лобанову, художнику-графику, кандидату педагогических наук, (Сегедский университет, Венгрия);

А. Н. Аникину, аспиранту Московского государственного областного университета;

Н. Н. Никитиной, переводчику (Восточно-европейская ассоциация арт-терапии, София);

А. В. Иноземцевой, практическому психологу (Технологический колледж 21, Школа для детей с ограниченными возможностями здоровья «Благо»).

¹ Заимствовано у А. Д. Неэль «Посвящение и посвященные в Тибете».

Введение

Вопрос о возможности познания человеком себя, понимания смыслов своего существования сталкивается с гносеологической проблемой определения того, что может выступать в качестве средства этого процесса рефлексии. По всей видимости, любой процесс познания невозможен без процесса его осознания. Сознание является тем инструментарием, благодаря которому человек способен осуществлять акт рефлексии, т. е. самоопределяться. Самоопределяя себя по отношению к другим объектам действительности, субъект научается определять характер воздействия на себя как материальных объектов, так и их виртуальных слепков – образов. Последние могут обладать большей силой воздействия, чем реально существующие объекты, которые они представляют в образах. И именно этот феномен является главным объектом внимания в теории арт-терапии.

Безусловно, арт-терапия сегодня – многоликое, не вписывающееся в единое категориальное пространство феноменальное явление, вбирающее в себя знания из научно-философской и социально-культурной сфер общественной жизни. Однако открытым остается вопрос о сущности воздействия искусства на человека, что обуславливает поверхностное описание механизма арт-терапевтического вмешательства в решение психологических проблем личности. Все это указывает на невозможность рассмотрения генезиса арт-терапии вне исследования антропологических аспектов проблематики, посвященных изучению онтологии духовного и телесного, аксиологии Красоты и психологии восприятия, нейропсихологических механизмов творчества и природы воздействия образа на сознание (Никитин, 2014; Цанев, 2008; Rubin, 2010; Schlette, Fuchs, Kirchner, 2017; Turner, 2006).

Ситуация выглядит достаточно парадоксальной: построение методических моделей арт-терапевтической работы основывается не на понимании онтологии художественного образа и механизмов его воздействия на психику человека в целом, а на следовании безликому процедурному алгоритму, разработанному когда-то и кем-то вне учета влияния пространственно-временных и субъективных факторов. И это касается как обоснования применения диагностических проективных методик, используемых для создания объективного психологического представления о субъекте терапии, так и определения алгоритма границ самой процедуры проведения собственно арт-терапевтических сессий.

И, как следствие этого факта, за увлеченностью «терапевтическими» технологиями скрывается поверхностное представление об истинных механизмах воздействия художественного образа на психику человека. Арт-терапия превращается в спонтанную игру отношений арт-терапевта и реципиента, результативность которой определяется уровнем интеллектуального развития и характером эмоционального состояния последнего, степенью его интереса к креативной деятельности. И все это рассматривается как краткосрочная терапия, позволяющая снять, а точнее сказать, завуалировать значимые для реципиента проблемы как в сфере социально-психологических отношений, так и в области коррекции его насущного психосоматического состояния.

Мы полагаем, что причина столь поверхностного отношения к методологии и техникам арт-терапии кроется в неопределенности сущности понятия сознания и генезиса его проекции в образе, в непонимании структуры и содержания художественного образа, оказывающего терапевтическое воздействие на воспринимающего его субъекта. Актуальным является и определение эстетического значения художественного образа, степени его приближения к идеалу, к тому, что принято определять понятием «красота». Именно данная эстетическая категория может выступать в качестве объективного критерия оценки как результатов проективной диагностики, так и эффективности психологической коррекции психических, социально-психологических отклонений и психосоматических проблем.

Безусловно, острый интерес к «вечной теме» – красоте – связан с поиском современной личностью критериев идентичности, определяющих ее отношение к себе и миру. Данная потребность обусловлена пограничным состоянием культуры постиндустриального общества, нередко определяемым в научно-философской литературе как антропологический и психологический кризис. Важнейший компонент этой проблемы – соотношение и взаимосвязь телесного и духовного, интуитивного и сознательного в человеке, особенно ярко проявляющегося в процессе художественного творчества.

Следует отметить, что современные знания о природе человека и значении для него объектов и функций искусства основываются на идее о единстве биологического и социального, о личности как социокультурно обусловленном феномене. В развитии научно-философских представлений о значении искусства основной акцент ставится на исследовании человеческой духовности, телесность же нередко рассматривается как некий «субстрат», материальная основа, природная оболочка, всего лишь обеспечивающая индивидууму биологическое существование.

Однако уже в XX в. постепенно становится очевидной неполнота и даже несостоятельность такого подхода. Философские и психологические исследования, осуществлявшиеся в русле феноменологии, экзистенциализма, антропологии, психоанализа, структурализма, постмодернизма, герменевтики, и естественнонаучные открытия в физике, математике и биологии позволяют по-новому взглянуть на данную проблематику. Отношение к духовному и телесному началу в человеке определяет и содержание произведений искусства, и характер их воздействия, и специфику восприятия конкретным индивидуумом художественного образа.

Безусловно, индивидуальность, как единичное и неповторимое начало, вкладывает в процесс созерцания художественного образа и работы с ним свое особое отношение, наполненное личностным значением и ценностным смыслом. Понимание субъективной стороны восприятия в сопоставлении с процессом формирования образа, его запоминания и воспроизведения позволяет определять и стратегии арт-терапевтической работы по снятию актуальных конфликтов в глубинных структурах психики индивидуальности.

Таким образом, в поле нашего внимания попадают феномены, относящиеся к исследованию структуры и содержания художественного образа, с одной стороны, и особенно его восприятия индивидуальностью – с другой. Данное представление о двойственности феномена творческого восприятия послужило основанием для разработки и создания нами *структурно-антропологической и эктопластической арт-терапии*, в качестве объекта исследования которой выступает как сам художественный образ, так и индивидуальность, его воспринимающая.

В первой части книги, посвященной раскрытию содержания структурно-антропологической арт-терапии, разработанной Владимиром Никитиным, связь между образом и сознанием рассматривается в контексте самопознания и самоорганизации человека. Одним из средств феноменального движения к себе может выступать арт-терапия. С точки зрения автора, арт-терапия не вписывается в привычные представления о психотерапии. Она представляет собой синтез современного естественнонаучного, философского и искусствovedческого знания о человеке. Это знание носит объективный характер, но имеет субъективное воплощение.

Философский анализ данной проблематики ранее представлен в докторской диссертационной работе автора, в которой доказана гипотеза о том, что объективное познание человеком сущности телесности может быть осуществлено исключительно самим субъектом познания. Именно поэтому данный в монографии анализ пролонгированного исследования возможности саморегуляции в рамках методологии структурно-антропологической арт-терапии позволяет говорить о значении уровней сознания в реализации арт-технологий.

В современной арт-терапевтической практике, как правило, вопрос об уровне сознания референта исключается из поля зрения. В центре внимания находятся формальные, про-

цессуальные аспекты арт-технологии. Однако эффективность использования арт-техник, безусловно, определяется не столько процессуальными моментами, сколько степенью осознания самим субъектом терапии форм и содержания своих психических и телесных репрезентаций.

Обращение к методологии структурно-антропологической школы в арт-терапии позволяет определить стратегии и принципы работы как в профессиональной деятельности арт-терапевта, так и в решении психологических и соматических проблем самопознающего субъекта. Это требует от него глубокого знания психологии и физиологии человека, понимания механизмов воздействия художественного образа на психосоматическое состояние. Чтобы научиться управлять функциями и состояниями своего феноменального тела необходимо развивать способность к глубокой рефлексии чувственного отражения, к системному анализу опыта восприятия и переживания образа себя. А это уже предполагает расширение мировоззренческой позиции, способности соединять в себе знания о духовной и физической жизни человека.

Методологическое основание данного направления строится на научных парадигмах теорий нейропсихологии, синергетики, психологии искусства и теории композиционного построения. При создании метода мы исходили из положения о том, что структурно-организованный художественный образ посредством своих содержательных и эстетических качеств имеет различное психологическое, феноменологическое, трансцендентальное, аксиологическое и эстетическое воздействие на личность. В свою очередь, личностные особенности субъекта восприятия художественного образа предопределяют характер воздействия на него как самого образа, так и процесса его креативного восприятия. В рамках структурно-антропологической арт-терапии осуществляется последовательное исследование композиционных характеристик образа, понимание законов построения которого обуславливает возможность как проведения диагностики психологических черт личности, так и формирования процессуального алгоритма арт-терапии. Именно поэтому наше эмпирико-аналитическое исследование влияния художественного образа на целостное состояние индивидуума мы начнем с анализа нейропсихологических механизмов арт-терапии, отражающих особенности взаимосвязи физического и психического начал в человеке.

Далее мы рассмотрим возможности объективной интерпретации значения художественных признаков арт-объекта для проективной диагностики и, определив критерии построения художественной композиции с позиций теории синергетики, перейдем к исследованию роли прекрасного в формировании образа телесного «Я».

В завершении первой части монографии впервые представлен системный анализ 25-летнего опыта научно-эмпирического исследования автором возможностей регуляции психофизического состояния организма самим субъектом терапии. Данное исследование раскрывает механизмы саморегуляции, эффективность которых обусловлена уровнем развития сознания самого референта. Анализ многолетнего собственного опыта работы с соматическими проявлениями позволил определить спектр психологических возможностей человека по регуляции функциональных и морфологических качеств организма. Достоверность выводов подтверждается анализом деятельности по саморегуляции статистически значимой выборки респондентов, принимавших участие вместе с автором в эмпирическом эксперименте в течение двадцати лет. Вопрос о возможности индивидуума осуществлять регуляцию собственного состояния здоровья превращается в вопрос об уровне его сознания. В свою очередь, даже относительное знание и понимание психофизических механизмов саморегуляции позволяет выстраивать стратегии самоорганизации и саморазвития.

Во второй части книги представлено исследование эктопластической арт-терапии Петера Цанева. Автор отмечает, что феномен арт-терапии появился в зените высокого модернизма в 1940-х годах. Это момент, когда завершается кульминация революции психологического модернизма, которая ясно показывает, что искусство является местом столкновения между разными формами сознания, которые ищут свои основания и свои репрезентации в искусстве.

Основным тезисом в монографии выступает идея о том, что арт-терапия является странным и неожиданным наследником и продолжателем искусства психологического модернизма во второй половине XX в. и начале XXI в. Арт-терапия возникает одновременно как новый психологический жанр и как новый вид искусства, которое предлагает возможность психологического спасения индивида в психологическом обществе. Искусство имеет свое визуальное сознание и свои модели понимания и репрезентирования психического. В этой связи Петер Цанев предлагает новый оригинальный вид арт-терапии, названный эктопластической арт-терапией, которая имеет целью преодоление традиционного использования искусства в арт-терапии, связанного с доминирующей ролью экспрессивных моделей арт-терапии.

Автор рассматривает связь между образом и сознанием в контексте теории искусства, где образы развивают у человека способность фиксировать особое проявление природы психического. Идея души обычно рассматривается как протопсихологическое понятие, а не как основная эстетическая категория. С точки зрения психологии мы находим вполне естественным, что душе, как идее, предопределено исчезнуть вместе с уходом идеи бессмертия. В искусстве, однако же, идея бессмертия остается основополагающей в эпоху модерна. В некоторой степени современная идея искусства строится на идее визуального бессмертия. Можно спекулировать о том, что искусство есть исторически переменчивое понятие, которое функционирует как замещающее понятие визуального бессмертия души. Превращение души в комплексный образ внутренней психической жизни человека в XX в. радикально изменяет отношение к визуальному бессмертию в искусстве. Поиск нового объединительного центра, который замещает представление о душе, направляет модернистское и современное искусство к визуализации новых представлений о структуре личности и визуализации различных видов сознания современного человека.

Изображение души не имеет конкретного предметного содержания, которое можно непосредственно обнаружить и проследить в истории искусства с древности до наших дней. Представления о душе порождают и развивают разные образы и идеи, взаимодействующие между собой, которые с трудом могут быть объединены в единый центр. Искусство является свидетельством того, что невозможно объективно визуализировать наше внутреннее «Я». Эктопластическая арт-терапия ищет новое место для присутствия человека в мире эстетических феноменов в промежуточном пространстве между идеей визуального бессмертия и идеей терапии.

В контексте современных научных теорий сознания эктопластическая арт-терапия может быть описана как селективная визуальная симуляция, которая базируется на пределах прозрачности при восприятии нашего собственного существования. Цель эктопластической образности – усиление «чувства прозрачности» нашего феноменального сознания. Прозрачные образы эктопластической техники имеют целью воспрепятствовать, прервать или регулировать модели наивного реализма, связанные с сознанием, которое попало в капкан полностью прозрачной реальности. Эктопластическая техника принуждает нас одновременно погрузиться в прозрачность и дистанцироваться от нее. Вопрос «Кто видит искусство?» сходен с вопросом «Кто видит сознание?». В искусстве всегда присутствует некий невидимый наблюдатель, который не представлен, но является частью самого визуального переживания.

Часть I

Структурно-антропологическая арт-терапия

Владимир Никитин

Глава 1

Нейропсихологические механизмы арт-терапии

В чем же заключаются нейропсихологические механизмы воздействия художественного образа на сознание человека?

Среда, как многофакторная, многополярная, стимульная структура, обуславливает формирование паттерна безусловно-рефлекторных и условно-рефлекторных механизмов восприятия и поведения. Ряд ситуативных и экологических признаков среды актуализирует память о значимых для личности событиях, связанных с непосредственным опытом переживания глубоких чувств, окрашивающих образы прошлого, или контекстуально подкрепленных ассоциациями. Таким образом, аналитическое исследование содержания и структуры визуальных образов и связанных с ними ассоциаций, наполненных смысловым и эмоциональным значением, определяет стратегию арт-терапевтических действий.

Процесс формирования и актуализации значимых образов, в которых запечатлена актуальная для личности и организма информация о прошедшем или ожидаемом событии, проходит в глубинных структурах психики, вне осознания. Рационализации же на уровне вербального мышления подлежат сформированные паттерны проявленных образов и чувств, доступные для рефлексии.

Как видно из анализа содержательных и формальных признаков представленных рисунков (рисунки 1.1–1.2), тема «Дерево» в структурах памяти актуализировала те образы, которые связаны с символами осени. Но для первого респондента осень – это пора красок и равновесия, гармонии цвета и покоя. Для второго респондента осень ассоциируется с образом старого дерева, одинокого и не защищенного от порывов штормового ветра, который сбрасывает с него последние листья. Эти художественные образы отражают актуальное психическое состояние респондентов: уравновешенность и погруженность в пространство мира и объекты природы и драматическое переживание своего отчуждения от мира, болезненное неприятие реальности.

Рис. 1.1–1.2. Тема задания: «Дерево»

Иначе говоря, внешний стимул пробуждает к активности те структурные элементы памяти и воображения, которые отвечают за переживание чувств, связанных с ранее актуальными для личности лицами и событиями. По мере проявления из памяти значимых образов на смену одним могут выступить другие, семантически связанные с факторами текущего переживания. В гештальтпсихологии этот процесс обозначается как «смена фигуры и фона»: с завершением аффективного отношения к проявленному актуальному образу его статус изменяется – ранее значимая фигура оттесняется на уровень фона.

Значение для рефлексии тех или иных образов и знаков опосредует характер реакций индивидуума на их содержание как на психическом, так и на соматическом уровнях. Процесс осознания полученной в свернутом образном виде информации зависит от способности индивидуума к рефлексии. По мере осмысления и переживания ее содержания актуальность присутствия в сознании проявленных образов значительно снижается.

Каким же образом работает арт-терапевтический механизм? Техника *направленной визуализации*, представляющая собой последовательный вызов значимых для реципиента образов, обеспечивает изменение структуры и функций *акцентора действия* – психологического механизма, обуславливающего стратегии предвидения будущего события, результатов действия по его достижению и оценку вероятности их выполнения. Согласно Анохину, процесс реализации программы действия включает извлечение из долговременной памяти «информационного эквивалента результата» и его опережающее отражение в образах действия, регулирующее параметры его исполнения.

Следует отметить, что любое значимое для человека событие запечатлевается в функциональных структурах всего мозга и носит синергетический характер. Один из факторов, связанных с актуальным событием, может усиливать значение другого. Так, например, возникающий образ театра может пробудить к жизни воспоминания о конкретной личности, с которой субъект переживания связывает драматическое искусство, и вызвать в нем чувство, обусловленное опытом его отношений с данной личностью.

Данное замечание имеет методологическое значение при осуществлении арт-терапевтической деятельности. Очевидно, что синергетический характер воздействия на конкретную индивидуальность многофакторных событий не позволяет осуществлять глубокую психологическую коррекцию негативных установок и переживаний только на уровне работы с одним образом. Несмотря на то, что его влияние может иметь решающее значение, для сознания при-

существование одного образа скорее предстает как недостаточное условие для освобождения от воздействия негативного опыта. Пережитое событие запечатлевается не только в виде образов, но и в памяти соматических состояний, вбирающих в себя многочисленные отклики от восприятия неосознаваемых факторов.

Арт-терапевтический процесс не может проходить успешно только с опорой на одну художественную модальность, очевидна необходимость включения реципиента в целостный акт действия, в котором задействованы все ведущие функции психики и организма, включая сенсорные, моторные, ассоциативные, когнитивные и прочие планы. Иначе говоря, холистический подход позволяет снять актуальную доминанту ранее незавершенного события, информация о котором запечатлена в глубинных структурах психики. Нейропсихологические механизмы, обеспечивающие такую возможность, в частности, связаны с работой энграмм памяти, понимание генезиса формирования которых позволяет определить и стратегии терапевтического вмешательства. В связи с этим рассмотрим природу ведущих механизмов формирования памяти.

Нейрофизиологические механизмы памяти и их значение для арт-терапии

Говоря о содержании психотерапевтического процесса, мы предполагаем создание таких психологических условий, которые приводят к актуализации вытесненных травматических воспоминаний, латентно оказывающих негативное воздействие на психическое состояние человека и формы его поведения. Согласно идеям А. А. Ухтомского, память может быть определена как структурно-функциональное изменение в нервной системе, в ходе которого в *энграммах* запечатлеваются как данные о внешней по отношению к субъекту ситуации, так и характер его эмоционально-чувственного и ментального отношения к ней. Допускается мысль о том, что в энграмме в свернутом виде фиксируется внутренний пространственно-временной образ внешнего мира, опосредованно воздействующий на психофизическое состояние человека (Ухтомский, 2002).

В процессе терапевтической работы содержание энграмм, связанных с прошлым опытом, осознается и опредмечивается. Посредством анализа их содержания раскрываются причинно-следственные связи прошлых событий с насущным психическим состоянием. Понимание причин и условий, вызвавших травматическую ситуацию, позволяет определить психологические стратегии разрешения актуализированной проблемы.

Следует отметить, что в нейрофизиологии выделяют три ведущих формы биологической памяти: генетическую, иммунологическую, нейробиологическую. Условно последняя может быть представлена четырьмя видами временной организации: сенсорная память, первичная память, вторичная память, третичная память (Чайченко и др., 1998). В ходе арт-терапевтического процесса осуществляется психологическая работа с содержанием вытесненного материала вторичной и третичной памяти, которые относятся к видам долгосрочной памяти (длительность хранения информации от нескольких минут до имманентного латентного присутствия).

Существуют различные точки зрения на механизмы долговременной памяти. Рассмотрим наиболее интересные для целей арт-терапии теории формирования памяти.

Согласно гипотезе Хебба (1949), фиксация следов памяти зависит от изменения *синаптической проводимости* в пределах определенного нейронного ансамбля (Батуев, 2012, с. 261). С точки зрения идеи К. Прибрама, представленной в *индукционной модели* хранения следов памяти, долговременная память является «скорее функцией соединительных структур, чем функцией процессов в самой нервной клетке, генерирующей нервные импульсы» (Прибрам, 1975, с. 64).

Следует отметить тот факт, что формирование индукционной модели осуществлялось на основе анализа результатов экспериментально-эмпирического исследования процесса обучения животных и изучения феномена ретроградной амнезии как следствия нарушения метаболизма клеток мозга. Так, в частности, при исследовании значения активного поиска крысой пищи было отмечено, что усложнение процесса поиска приводит к значительному увеличению общего количества РНК, которое обеспечивает долговременное усвоение информации в макромолекулах ДНК полипептидов, протеинов, липопротеинов и мукоидов. Стимуляция активности к действию вызывает заметное утолщение ответственных за выполнение задачи отделов коры за счет увеличения разветвлений базальных дендритов, увеличения числа и расширение дендритных шипиков и увеличения числа ненервных клеток – глии. При этом нейроглия представляет собой совокупность вспомогательных клеток нервной ткани, которая составляет около 40 % объема клеток всей центральной нервной системы. Количество глиальных клеток в среднем в 10–50 раз больше, чем нейронов.

В работах И. С. Бериташвили (1976), Э. С. Костандова (1983), Е. А. Громовой (Батуев, 2009, с. 263) доказывается мысль о том, что долговременное хранение информации осуществляется в новых синаптических контактах между нейронами. При этом современные нейрофизиологи выделяют такие виды памяти, как образную, эмоциональную, условно-рефлекторную и словесно-логическую.

Следует отметить, что процесс формирования памяти прежде всего связан с работой нейромедиаторной и нейропептидной систем. Согласно исследованиям Х. Матисса (Батуев, 2009, с. 264–268), Р. И. Кругликова (1981), процесс запоминания зависит от работы *холинергических и моноаминергических механизмов мозга*. Если первые обеспечивают информационную составляющую обучения, то вторые отвечают за подкрепляющие и эмоционально-мотивационные механизмы памяти. При этом моноаминергические системы моделируют состояние холинергических механизмов памяти.

Холинергическая система мозга участвует в таких функциях, как память (кора головного мозга, гиппокамп), регуляция сложных двигательных реакций, в частности механизма инициации движений, двигательных стереотипов и т. д. (базальные ганглии), регуляция уровня бодрствования и внимания (ретикулярная формация ствола мозга, холинергические структуры переднего мозга).

Моноаминергические системы мозга играют большую роль в осуществлении интегративных функций мозга, в чередовании сна и бодрствования, в общей регуляции поведения человека и животных. К ним относятся дофаминергические, норадренергические и серотонинергические системы, которые берут начало в области ствола мозга и иннервируют практически все отделы головного мозга.

В процессе обучения увеличивается количество холинорецепторов, повышается чувствительность кортикальных нейронов к ацетилхолину, что усиливает процесс запоминания. В то же время, с точки зрения Е. А. Громовой, серотонинергическая система, ускоряя процесс обучения, способна подавить защитно-оборонительные реакции в случае эмоционально положительного подкрепления процесса запоминания. Не в этом ли кроется одна из причин обездвиженности людей, поглощенных образами компьютерных игр: аддиктивная зависимость нейтрализует безусловно-рефлекторные механизмы, ответственные за движение, и выводит в актуальную сферу сознания потребности условно-рефлекторной природы.

Понимание нейропсихологических механизмов формирования памяти и энграмм позволяет приблизиться к объяснению характера влияния на человека художественного образа, проявляемого в его сознании в процессе восприятия арт-стимула. Из предыдущего материала видно, что формирование и разрушение энграмм памяти осуществляется посредством генетических, иммунологических и нейробиологических механизмов, ответственных за сортировку, выделение значимой для человека информации, долговременное ее хранение и изменение.

Восприятие арт-объекта, подкрепленное участием в процессе эмоционально значимого для референта арт-специалиста, определяет процесс воспроизводства из долговременной памяти фрагментов образов, запечатленных в структурах макромолекул – нуклеиновых кислотах и белках. Чем сильнее впечатление от художественного стимула, тем активнее изменения в мембранах нейронов и межнейронных связях, тем больше вероятность проявления вытесненной из сознания информации, отражающей отношение субъекта к предъявляемому образу и его ассоциативным следам.

Исходя из гипотезы о том, что законы существования человека как на органическом, так и на психическом уровнях имеют единую природу и тождественно проявляют себя как на молекулярном микроуровне, так и на поведенческом макроуровне, мы можем представить себе характер воздействия художественного образа на психофизическое состояние субъекта. В качестве модели арт-терапевтического воздействия, с некоторыми допущениями, можно взять отношения между «индуктором» и «субстратом», анализ генезиса которых представлен в работе Карла Прибрама «Языки мозга». Этот научный труд посвящен исследованию роли РНК в сохранении следов памяти (Прибрам, 1975, с. 58).

В нашем случае в качестве «индуктора» может выступать художественный образ, воздействие которого на человека носит как специфический, так и неспецифический характер. Образ обладает энергетическим, смысловым и аффективным потенциалом, влияет как на соматические, психические, так и психолого-социальные характеристики и функции человека. В свою очередь, психофизические и социально-психологические формы отражения можно рассматривать как «субстрат», на который направлено воздействие арт-стимула. Безусловно, данное допущение выступает в качестве метафоры, посредством которой рассматривается возможность переноса законов функционирования органического тела на формы репрезентаций «психологического тела».

Для обоснования корректности использования ниже приведенных теоретических положений К. Прибрама для целей арт-терапии нами был исследован и интерпретирован арт-материал, представленный психологом-педагогом московской школы № 939 Людмилой Манцуровой. Психолог с позиций онтосинергетического подхода (Никитин, 2014) посредством работы с художественным и драматическим образом осуществлял гармонизацию образа «Я» личности подростков.

1. Индукторы извлекают и реализуют потенциальную генетическую информацию организма. Это указывает на решающую роль в отборе и сохранении образов-энграмм такой информации, которая подкрепляется актуальностью включенных в акт восприятия безусловных рефлексов, обеспечивающих как защитно-оборонительные, так и поисково-познавательные функции человека.

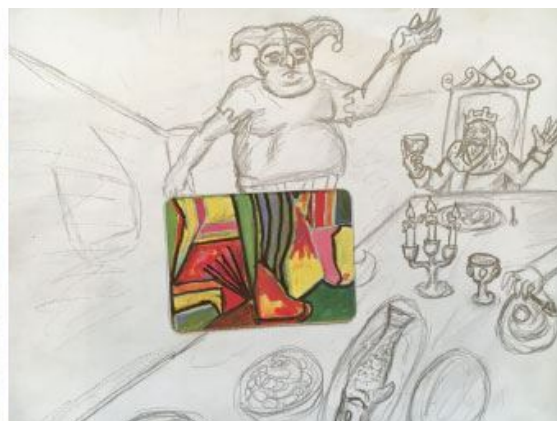

Рис. 1.3–1.4. Илья. Темы заданий: «Крик», «Образ себя»

Комментарии психолога. Добрый, внимательный, скромный молодой человек склонный к рефлексии. Имеет особенности физического развития.

«Крик». Илья: «Я не могу точно сказать, о чем, но это возможность высказаться. Пришлите: эти монстры нас боятся, они издают страшный рев, но не нападают, а, наоборот, отступают назад».

«Король и шут». Илья: «Шут – это, скорее, символ тех, кто жирует и готов показывать свое нутро, не стесняясь, думая, что он самый важный. Король – это я, мне скучно»

В контексте наших рассуждений внимание притягивает первый рисунок: обращение в состоянии активного преодоления личностных противоречий к образам динозавров свидетельствует о ресурсном потенциале врожденных защитных механизмов, о самоутверждении с помощью обращения к архетипическим образам. Второй рисунок наполнен сарказмом: механизмы защиты активизировали поисково-познавательные структуры сознания.

2. Индукторы в известной мере специфичны в отношении характера извлекаемой генетической информации, но они неспецифичны относительно вида особи или ткани. В нашем случае, влияние арт-стимула на человека, прежде всего, носит симультанный, неспецифический характер. Однако в процессе арт-работы в актуальное поле восприятия и творческого выражения могут включаться и специфические индивидуальные проявления субъекта.

Рис. 1.5–1.6. Полина. Темы заданий: «Мой страх»; «Образ себя: Молчун»

Комментарии психолога. Активная и очень открытая девушка. На занятия арт-терапией пришла с запросом «хочу себя понять».

«Мой страх». На занятиях Полина часто рисовала каракули, похожие на хаотично закрашенный круг. На вопрос, с чем связан такой способ зарисовок, девушка отметила, что у нее есть страх. Я предлагаю поработать с этим страхом. Девушка самостоятельно делит лист бумаги на две части. Первый рисунок находится в верхней части листа – это предмет страха. Внизу большой черный круг – это масштаб переживания страха.

«Молчун». Работа выполнена в середине цикла занятий. Девушка переживала личную трагедию. Она часто повторяла, что становиться взрослой не просто. Но также отмечала, что после наших встреч к ней приходит больше понимания о себе и о мире взрослых.

В контексте наших рассуждений характер переживания и художественные формы выражения чувства страха Полины отражают филогенетически закрепленные для человека неспецифические стратегии восприятия, чувствования и поведения. В то же время в образе Молчуна проявлены специфические черты индивидуума, подкрепленные доминирующими социальными установками.

3. *Индукторы определяют общую схему индуцированного свойства, специализация деталей возникает в результате деятельности субстрата.* Степень и качество воздействия арт-стимула зависит от индивидуальных психофизических и психологических особенностей субъекта, набора присущих ему условно-рефлекторных доминант, устойчивых стереотипов функционирования совокупности его характерологических качеств и свойств, которые во многом определяют его ценностные ориентиры.

Рис. 1.7–1.8. Надежда. Темы заданий: «Дерево-маяк» и «Девочка-свеча»

Комментарии психолога. Скромная, любознательная, молчаливая и очень начитанная девушка. Правильная речь, сдержанна в проявлении эмоций.

«Дерево». Надежда: «Это очень полезное дерево, на нем живут добрые силы, которые помогают людям, оказавшимся в беде, а маяк „видит“ тех, кто нуждается в помощи, и своим световым потоком указывает путь».

«Девочка-свеча». Надежда: «Мне хотелось быть похожей на нее, потому, что она творит много добра, огонь ее волос совершенно не опасен». Образ девочки-свечи Надежда выбрала не случайно: позднее мы узнали о том, что девушка пишет свою книгу, где рассказывает историю девочки.

4. *Индукторы непосредственно не являются толчком для развития, они составляют особый класс стимулов.* Арт-стимулы запускают механизмы психики, отвечающие за принятие и переработку сенсорной, образной и ментальной информации, обладающей для субъекта качественно новыми характеристиками. Благодаря их воздействию создаются информа-

ционно-энергетические условия и предпосылки, определяющие проявление в сознании новых связей и отношений между опытом прошлого, состоянием настоящего и образом ожидаемого будущего.

Рис. 1.9–1.11. Мария. Темы заданий: «Ночной костер», «Дерево жизни», «Автопортрет»

Комментарии психолога. Стройная, утонченная девушка, очень скромная, стеснительна в общении.

«Ночной костер». Мария: «Это Я, потому, что меня привлекает все чудесное и таинственное. Я выбрала синие оттенки не случайно, пусть в костре будет немного моря». Образ необычного огня, возникший в процессе создания работы, говорит о желании проявить себя.

«Дерево жизни». Одна из последующих работ Марии. Видно, что черный фон больше не используется; дерево – с мощным стволом, корнями и роскошной кроной.

«Автопортрет». Мария: «Это Я, мне хорошо и спокойно, мои глаза блестят от радости, у меня все получается, даже уроки нравится делать».

Как мы видим, содержание и структура образов природы составляет тот класс феноменов, воспроизведение которых в художественной форме не только отражает отношение респон-

дента к реальности, но и представляет собой психологическое пространство, в недрах которого рождается образ собственной идентичности.

5. *Чтобы быть эффективными, индукторы должны взаимодействовать с субстратами. Однако, чтобы вызвать эффект, недостаточно простого контакта – ткань должна быть готова правильно реагировать.* В нашем случае, под тканью подразумевается психика человека. В зависимости от психического состояния человека и его установок воздействие арт-стимула вызывает проявление различного спектра и степени переживания ассоциативных образов и эмоционально-чувственных реакций.

Комментарии психолога. Девушка занимается в художественной школе. Яркая внешность, активна, лидер, старательно выполняет все задания.

«Дюймовочка». Татьяна: «Эта сказка очень похожа на историю моей жизни, осталось только дождаться принца, как же мне надоели жабы». Она опускает глаза и затихает.

«Лето в деревне». Этот рисунок Татьяна посвятила своей бабушке. Девушка очень долго и вдохновенно рассказывала нам о деревенском быте. О том, как безоблачно и счастлива она была, когда жила с бабушкой.

«Дождь в лесу». Татьяна: «Иногда, когда мне грустно, я люблю рисовать золотую осень. Вы когда-нибудь были под дождем в ярком осеннем лесу? Там даже грустить хорошо. Сегодня у меня грустное настроение, и поэтому я так нарисовала».

Рис. 1.12–1.14. Татьяна. Темы заданий: «Дюймовочка», «Лето в деревне», «Дождь в лесу»

Представленные образы, содержание которых раскрыто в тексте, говорят о потребности респондента в созерцании и переживании природы, в которой она находит успокоение и устойчивость. В образах объектов природы Татьяна видит созвучный ее душе мир, наполненный гармонией и красотой.

6. Индукция обычно развивается в результате действия в двух направлениях благодаря химическому взаимодействию между индуктором и субстратом. Безусловно, взаимодействие между субъектом и арт-объектом носит и химический, и психический характер. Арт-объект может выступать и в качестве стимула, и в качестве предмета взаимодействия. В процессе трансформации форм и содержания арт-объекта происходит взаимное влияние создающего субъекта на арт-объект и, соответственно, художественного образа на индивидуума.

Рис. 1.15. Людмила Манжунова. Тема задания: «Пробуждение»

Рис. 1.16. Совместная работа подростков. Тема задания: «Древо познаний»

«Пробуждение». Людмила: «Я переживала чувство тревожности, повышенную эмоциональность, стремление к самовыражению и творчеству. Меня много внутри, и я не знаю, что с этим делать». Женский образ возник из синего водного цветка.

«Древо познаний»: работа выполнена группой подростков в соавторстве с психологом. Основная цель занятия – объединение и сплочение группы. В процессе совместного творчества ребята создавали эскизы деревьев, познакомились с азами колористических приемов в выборе цветовой палитры.

В процессе арт-сессии, переживая «чувственную наполненность», Людмила обнаружила умиротворение и новую опору для дальнейшего творчества. Создавая себя, она создала пространство созвучия участников креативного действия, явившееся в синергии образов, идей и желаний. Результатом сотворчества в группе стало рождение образа «Древа познаний».

Таким образом, понимание структуры и содержания нейropsychологического механизма воздействия арт-стимула на сознание и психическое состояние человека позволяет осуществлять арт-процесс, который может быть направлен на регуляцию психического и психофизического состояния, разрешение социально-психологических проблем личности.

Непосредственное восприятие объектов и явлений, так же как ментальная визуализация образов, опосредует активизацию нейронной сети зрительной зоны коры головного мозга. Посредством усиления деятельности нейронных структур и функций, участвующих в формировании образов, активизируется работа обоих полушарий. В свою очередь, активное участие

субъекта в создании художественных и ментальных образов обуславливает возможность отработки им различных стратегий достижения желаемого результата, которые обеспечивают психологическую коррекцию его актуального эмоционального состояния, форм его поведения и уровня рефлексии проблемной ситуации.

Стратегии арт-терапии с точки зрения теории синергетики

Вышеприведенный экскурс в область нейрофизиологии и нейропсихологии позволяет нам увидеть всю сложность отношений органического и психического в человеке, представить объективную модель процесса воздействия арт-образа на сознание и поведение. По-видимому, современное знание, накопленное в естественных науках, не в состоянии объективно описать характер отношений мозга и сознания. И поэтому следует обратиться к другой системе научных координат, что обеспечит возможность интеграции теоретических представлений о человеке.

В качестве новой точки отсчета может выступать теория синергетики. С тем чтобы определить механизмы воздействия искусства на человека, подробнее остановимся на принципах синергетики. Согласно В. Г. Буданову, можно выделить семь принципов синергетики, позволяющих исследовать и описать смену состояний порядка и хаоса (Буданов, 2005). В. Г. Буданов выделяет две фазы эволюции диссипативной системы: «фаза порядка», характеризующая «принцип Бытия», и «фаза трансформации, обновления системы», отражающая процесс «становления» нового порядка.

Системе, находящейся в состоянии порядка, присущи два качества – *гомеостатичность* и *иерархичность*. Гомеостатичность отражает способность диссипативной системы поддерживать внутренний порядок на пути следования к своему идеальному состоянию (аттрактору); удержание целостности осуществляется посредством функционирования «отрицательных обратных связей в системе, подавляющих внешние возмущения» (Буданов, 2005, с. 94).

Иерархичность в системе означает такой тип отношений составляющих ее элементов, при которых структуры более низкого уровня порядка подчиняются структурам более высокого уровня. Собираясь в единое образование, элементы структуры передают часть своих функций вновь образовавшейся системе, занимая в ее иерархии определенное место.

Формирование системы на новом иерархическом уровне порядка проходит через *стадии хаоса, бифуркации и становления*. Обладая качествами открытости, нелинейности и неустойчивости, диссипативная система, активно обмениваясь информацией с внешней средой, реорганизует собственную структуру. Тенденция в сторону усложнения системы обусловлена ее стремлением к саморазвитию и самосохранению в условиях постоянно изменяющегося мира. Динамика процесса трансформации структуры в пространстве и времени определяется в зависимости от состояния и соотношения параметров управления, характеризующих наличествующие возможности системы для перестройке своих функций. Например, тип темперамента, состояние организма, социальные установки предопределяют характер возможных реакций личности на социальные проблемы.

Два последних принципа – *динамическая иерархичность (эмерджентность)* и *наблюдаемость* – обуславливают стратегию выбора пути самоорганизации диссипативной системы в точке бифуркации. Следует отметить, что человек представляет собой сложный многоуровневый ансамбль структур, взаимосвязанных на мега-, макро-и микро-уровнях. С точки зрения синергетики в точке бифуркации «параметры порядка макроуровня возвращают свои степени свободы в хаос микроуровня, растворяясь в нем» (Буданов, 2005, с. 97). Исчезновение промежуточного слоя (макроуровня) в иерархии отношений системы приводит к взаимодействию элементов, находящихся на мега- и микроуровнях структуры. Как результат данного процесса формируются новые управляющие параметры систем макроуровня. Например, характер изме-

нения иерархии ценностных установок личности зависит от состояния социальной системы (макроуровень), от особенностей культурно-исторического времени, в котором живет личность (мегауровень), и от насущных потребностей и возможностей данного индивидуума (микроуровень).

Особую актуальность для целей арт-терапии в настоящее время приобретает принцип «наблюдаемости». Предмет наблюдения имеет своего субъекта, который актуализирует для себя в процессе восприятия те или иные качества объекта. Для каждого субъекта-индивидуума существует приоритетный выбор паттерна типологических признаков объекта, который обладает особым значением, связанным, например, с принадлежностью к той или иной субкультуре. Так, для человека в качестве объекта наблюдения могут выступать его личностные характеристики: коммуникабельность, смелость, осторожность, тревожность. Обладая определенным уровнем рефлексии, он может выделять сильные и проблемные стороны своей индивидуальности. Именно его уровень рефлексии предопределяет стратегии перестройки его целостности в ходе арт-терапевтического действия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.